

Пермский край
2025 – 2026 учебный год
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
10 КЛАСС

Уважаемые участники олимпиады!

Вам предлагается выполнить два типа заданий: аналитическое и тестовое. Аналитическое задание предполагает анализ прозаического или стихотворного текста на выбор ученика. Цель аналитического задания заключается в умении создать самостоятельный законченный текст на материале предложенных произведений. Обратите внимание на критерии оценивания. Цель тестового задания – проверка школьных программных знаний по литературе.

Время выполнения аналитического задания – 4,5 астрономических часа (270 минут), максимальный балл – 70. Время выполнения тестового задания – 0,5 астрономических часа (30 минут), максимальный балл – 30. Время выполнения работы – 5 астрономических часов (300 минут). Максимальный общий балл за работу – 100.

Аналитическое задание

Проведите анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного) — на выбор!

Комплексный анализ стихотворного текста

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ
КАК ПОКАЗАТЬ ОСЕНЬ

Еще не осень — так, едва-едва.
Ни опыта еще, ни мастерства.
Она еще разучивает гаммы.
Не вставлены еще вторые рамы,
и тополя бульвара за окном
еще монументальны, как скульптура.
Еще упруга их мускулатура,
но день-другой —
и все пойдет на спад,
проявится осенняя натура,
и, предваряя близкий листопад,
листва зашелестит, как партитура,
и дождь забарабанит невпопад
по клавишам,
и вся клавиатура

пойдет плясать под музыку дождя.
Но стихнет,
и немного погода,
наклонностей опасных не скрывая,
бегом-бегом
по линии трамвая
помчится лист опавший,
отрывая
тройное сальто,
словно акробат.

И надпись «Осторожно, листопад!»,
неясную тревогу вызывая,
раскачиваться будет,
как набат,
внезапно загудевший на пожаре.
И тут мы впрямь увидим на бульваре
столбы огня.

Там будут листья жечь.
А листья будут падать,
будут падать,
и ровный звук,
таящийся в листве,
напомнит о прямом своем родстве
с известною шопеновской сонатой.
И тем не мене,
листья будут жечь.

Но дождик уже реже будет течь,
и листья будут медленней кружиться,
пока бульвар и вовсе обнажится,
и мы за ним увидим в глубине
фонарь
у театрального подъезда
на противоположной стороне,
и белый лист афиши на стене,
и профиль музыканта на афише.
И мы особо выделим слова,
где речь идет о нынешнем концерте
фортепианной музыки,
и в центре
стоит — ШОПЕН, СОНАТА No. 2.
И словно бы сквозь сон,
едва-едва
коснутся нас начальные аккорды
шопеновского траурного марша
и станут отдаляться,
повторяясь
вдали,
как позывные декабря.

И матовая лампа фонаря
затеплится свечением несмелым
и высветит афишу на стене.
Но тут уже повалит белым-белым,
повалит густо-густо
белым-белым,
но это уже — в полной тишине.

Целостный анализ прозаического текста

Алексей Толстой.

Маша

Каждый вечер за воротами усадьбы сидели и покуривали — кривой конюх, садовник, два пленных венгра с черными усами и в синих кепи, надвинутых на глаза, и третий, тоже пленный, чех Ян Бочар.

Снизу из овражка тянуло болотцем и сладкими цветами, тыркал дергач.

За овражком на деревне брехала собака и кое-где светилося окошко, — ужинали. Садовник, московский человек, очень вежливый, развязал из платочка гармонью и начал наигрывать, «Пускай могила меня накажет», И, точно зачарованная музыкой, появлялась в воротах Лиза, горничная, в белом фартучке и с гребенками, спрашивала тонким голосом: «Не видали, послушайте, Петра Саввича?» — и оставалась стоять у ворот. «Не видали, не видали Петра Саввича, не видали», — не спеша отвечал садовник и наигрывал еще жалобнее. Венгры сидели молча, вытянув жилистые ноги, засунув руки в карманы рейтуз. А Ян Бочар, сидя с краю, глядел, как в закате, среди разлившихся зеленых рек, лежат острова с золотыми очертаниями и на острове у ясного залива — высокий замок, оттуда точно улетает кто-то, заломившая руки, и гаснет, тает над зелеными речными полями.

Яна Бочара взяли в плен прошлым летом. Ночью налетел вдруг сильный ветер, зашумели сосны, с Яна сорвало брезентовую палатку. Подняв голову, он увидел в свету молнии, как по траве волокно ободранную кожу, летели шапки, обрывки бумаги, и ударил такой гром — господи, помилуй! — что выстрелы показались трескотней орехов. После того Ян вместе с другими побежал к лесу, стал животом к дереву и стрелял в темноту, куда не вышли патроны. И, наконец, полил дождь, крупный, потоками, трещали молнии, озаряя сеть дождя и серые колоннады сосновых стволов. Между ними метались какие-то фигуры. Это были русские. Один, широколицый бородатый человек, без винтовки, словно закивал Яну, подскочил к нему и ударил в лицо кулаком. Ян потерял сознание, и от этого удара полетел в глубь России, и вот сидит здесь, у ворот.

В сумерках на степной дорожке появилось белое платье. У Яна вздрогнули губы под мягкими усами. Платье приблизилось, оказалось молодой женщиной в соломенной шляпе с двумя ленточками, — это была Маша, племянница здешнего хозяина. Она вытянула ногу в белом чулке, легко перешагнула через лужу у ворот, оглянулась на сидящих и ушла к себе на дачку. Дачка стояла среди берез, которые росли — как веники — пучками из одного корня. Ян поднялся и побрел в людскую — спать.

Назавтра Маша встала поздно, вышла на балкон и села в качалку. Всю усадьбу, как маревом, затянула июльская истома. На огороде, опустив руки, сидели три девки-пололыщицы, и даже песни им лень было петь. К ним подбежал Петр Саввич, приказчик, сухой, досадный, в подтяжках, в войлочной шляпе, и начал кричать. По тропинке брел, опустив голову, красавец венгр, тянул за уздцы сонного мерина с бочкой, но не дошел до колодца, облокотился о плетень и стал глядеть на девок. Другой венгр, рябой, ходил с хворостиной за телятами, — не мог выгнать их из смородины. Мимо балкона, переваливаясь, пробежали утки и сели, — нечем было дышать. В воздухе стояли мухи. Суется, воробьи таскали паклю из стены дачи. Низко плыл коршун, и клушка внимательно смотрела на него, загнув гребешок.

Лежа в плетеной качалке, Маша читала Чехова, скрестила ноги в белых туфельках, запустила в волосы холодноватый, слоновой кости, ножик... Все тело ее под легким платьем было покрыто испариной... Подошла к балкону баба с решетом, полным грибов, вытирая нос, запросила два с полтиной за решето; передние зубы у нее были выбиты; Маша сказала: «Убирайтесь!»

Потом прошел мимо Ян Бочар с граблями на худом плече, пристально, как и все эти дни, поглядел на Машу и приложил три пальца к козырьку.

— Послушайте, Ян! — позвала Маша. Он сейчас же бросил грабли в траву и быстро подошел, глаза его были почтительны и серьезны.

— Что я хотела сказать... Да, Ян, у вас на родине осталась семья?

— У меня осталась мать и сестра...

— Вы очень скучаете по жене?

— Я не женат.

— Ах, вы не женаты. А вы хорошо говорите по-русски. Ян, голубчик, скосите, пожалуйста, крапиву на той дорожке, а то я хожу купаться и все руки себе острекала. Вот — больше ничего.

Маша подняла глаза и глядела на облако, тающее в июльской синеве. Налетел ветерок, и зашелестели березы листьями от вершины до корня.

В послеобеденный час, когда венгры храпели под яблоней, прикрыв фуражками лица, Ян наточил косу и выкосил всю крапиву, — теперь молодая дама может спокойно ходить купаться и не острекает рук. Крапиву он сволок в лес, а дорожку прополол. Прибежал Петр Саввич и кричал:

— Кто здесь распоряжается без моего позволения!

Потом послал Яна на выгон за меринком. Возвращаясь с лошадью, Ян видел, как по свежей дорожке шла Маша с мохнатым полотенцем. Испугавшись, что она станет благодарить, Ян нагнулся, будто бы рассматривая у лошади копыто, и мерин больно стегнул его хвостом по лицу.

К вечеру народ на усадьбе приободрился. Садовник, поиграв на гармонье, пропал как сквозь землю, а Лизу-горничную долго кричал с господского крыльца Петр Саввич. Кривой конюх полез через осоку на деревню; сказал, что за дегтем. Венгры пошли к барской

кухне резать кур. Степанида — кухарка — так их и просила: «Господа гусары, нарежьте нам курицу, а то мы боимся». Усатые венгры лазали в кусты ловить курицу, потом резали ее при свечке, говорили по-венгерски, а после ужина пили втроем с кухаркой чай в дощатой кухне, полной мух, хватали Степаниду за полные руки.

На реке слышались песни и балалайка: это гуляли призывные — шатались всю ночь в новых картузах, с балалайкой, грозились запустить, кому нужно, красного петуха.

Ян пошел за граблями, брошенными давеча на лугу. Ветерок шелестел в темных очертаниях деревьев, и они затихли. Дача была вся в тени, но вот в окнах появился свет: со свечой шла Маша в белом халатике, сколотом у горла, остановилась, оглянулась — лицо у нее было точно у дитя — грустное, — взяла со стола платочек, вытерла глаза и ушла со свечой и платком.

Ян стоял и глядел на темные окна. Вдруг сзади в руку ткнулся холодный нос, подошла овчарка Милка, замотала хвостом и положила Яну когтистые лапы на грудь, морду сунула под мышку.

— Эх, собака, собака, — сказал Ян.

Утром Ян косил луг перед дачей. В длинных тенях от берез была еще прохлада, и трава в росе. Между желтоватой, поблескивающей зелени деревьев поднимался дымок из бани прозрачной струйкой. Медовым голосом, точно в дудку с водой, свистала иволга.

Когда на даче хлопнула дверь, Ян оглянулся, — на балкон вышла Маша, волосы ее были заколоты высоко одною шпилькой, и сон еще не совсем отошел от нее. Присев на ступени крыльца, она склонила голову, положила щеку на ладонь. Прекраснее женщины Ян не видал в жизни.

Сейчас было особенно тихо, только — зык, зык — ширкала коса по траве. Но вдруг издалека послышался глухой, торжественный шум леса, точно шли воды. Березы стояли неподвижно. Ян выпрямился и, положив руку сверху на лезвие косы, стал слушать. Шум близился, шумел весь лес, и ветер коснулся, наконец, вершин берез, склонил их, они зашумели. Высоко в воздухе закрутились сухие листья. Беспорядочным полетом пронеслась лохматая ворона. Ветер ниже клонил березы, пронеслось еще несколько птиц. Полнеба закрыла свинцовая туча. И вдруг мигнул зеленоватый свет, заворчал гром, сильнее, раскатистее, и треснуло все небо над головой. Упала первая капля, зазвенело окошко на даче.

— Ян, какая гроза! — крикнула Маша, стоя на лестнице. От этого голоса Ян вздрогнул так сильно, что лезвие косы, скользнув, врезалось в руку. Он зажал рану, но кровь закапала сквозь пальцы.

— Вы с ума сошли, что вы там делаете! — подбегая к нему, проговорила Маша. И в это время хлынул дождь, отвесный и теплый, покрыл усадьбу серой завесой. Запенились дорожки, заплескалась вода в трубах, запахло травой и мокрым деревом.

На террасе Маша забинтовала Яну руку и, затягивая зубами узел, низко нагнулась. Подняв брови, Ян глядел на ее тонкую шею, на легкие, как шелк, пепельные волосы, пахнущие любовью, и им овладело отчаяние. Маша ушла мыть руки. В это время зачавкали копыта, и из потоков воды выехала на пузатом мокром мерине мокрая до нитки баба-

почтальон. «Тпру, родной», — сказала она, тяжело спрыгивая с телеги, и подошла к окну: «Барыня, вам телеграмма». В открытую дверь Ян видел, как Маша положила руку на горло и побелела. Он опустил глаза. Послышался шелест бумаги и затем громкий радостный крик.

Всю ночь у Яна болела рука, и боль и мысли не давали спать. Он думал о том времени, когда вернется аа родину, но будущее — чем только он и жил в плену — сейчас точно выцвело. Ночной шелест деревьев наполнял его печальным волнением. Сдерживая слезы, он слушал, как шумят, шумят березы, растущие пучками из одного корня. Так вот она, эта варварская страна, полная непонятного очарования!

На рассвете он вышел на двор, — было туманно, и над лесом коралловыми полосами проступала заря, с листьев падали капли, крыша дачи была совсем мокрая. Ян пошел на огород, где вчера еще Петр Саввич наказывал прополоть фасоли. Земля казалась легкой. Запевали птицы, как в раю.

Часа через два Ян увидел, как в ворота по лужам въехала на паре плетушка, в ней сидел прапорщик, загорелый, худой, с взволнованными светло-голубыми глазами. Венгр, тащивший за ногу поросенка, бодро взял под козырек. Плетушка повернула к даче. Оттуда по лужайке бежала Маша. Она так спешила, что, казалось, вот упадет. Прапорщик соскочил с плетушки и пошел навстречу.

— Митя, Митя! — крикнула Маша сорвавшимся голосом и, не дойдя двух шагов, расплакалась. Офицер взял ее за плечи и поцеловал.

Наконец и этот день кончился. В сумерках Ян сидел у ворот один. Было сыровато, и месяц тонким ясным серпом стоял невысоко над темными полями. Положив руку на голову овчарки, Ян глядел, как по полю, приближаясь, двигались две белые фигуры — офицер и Маша. Она обеими руками держала его под руку. У ворот они остановились, и Маша сказала:

— Митя, вот Ян Бочар. Ян, это мой муж.

Ян поднялся, отдавая честь. Офицер спросил — какого полка, где был взят в плен, чем у себя на родине занимался.

Ян пожал плечами и, глядя под ноги, ответил неохотно:

— Я скрипач, профессор Пражской консерватории.

— Господи! — испуганно прошептала Маша. — Я так и знала.

Прапорщик поскреб под фуражкой.

— Вот так штука!

— Позвольте идти? — спросил Ян и пошел к людской. На дорожке к нему подошла Лиза-горничная и спросила, всхлипывая:

— Послушайте, садовника не видали?..

Критерии оценивания

Оценка за работу выставляется в виде последовательности цифр — оценок по каждому критерию. Обязательно оцениваются:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений». Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 — 10 — 20 — 30.

2. Композиционная стройность работы и ее стилистическая однородность. Уместность цитат и отсылок к тексту. Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 — 5 — 10 — 15.

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом. Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 — 3 — 7 — 10.

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 — 3 — 7 — 10.

5. Общая языковая и речевая грамотность. Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 1 — 2 — 3 — 5.

Тестовое задание

I. Определите, даты жизни каких писателей представлены ниже?

1. 1818 – 1883
2. 1799 – 1837
3. 1745 – 1792
4. 1803 – 1873
5. 1812 – 1891

За каждый правильный ответ – 3 балла.

II. Перед вами строки из произведений поэтов XIX века. Три стихотворения принадлежат одному автору. Найдите «лишний» текст. Определите авторство каждого из предложенных отрывков.

1. Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

2. Лениво дышит полдень мглистый;

Лениво катится река;

И в тверди пламенной и чистой

Лениво тают облака.

3. Как беден наш язык! — Хочу и не могу. —

Не передать того ни другу, ни врагу,

Что буйствует в груди прозрачною волною.

4. Мама! глянь-ка из окошка —

Знать, вчера недаром кошка

Умывала нос:

Грязи нет, весь двор одело,

Посветлело, побелело —

Видно, есть мороз.

Максимальное количество баллов – 5.

Если правильно определено авторство всех предложенных текстов – 5 баллов.

За правильно названный «лишний» текст (без определения авторства) – 1 балл.

III. Героями каких произведений являются:

1. Зарецкий

2. Загорецкий

3. Шапкин

4. Матвей Ильич Колязин

5. Иван Антонович Кувшинное Рыло.

За каждый правильный ответ – 1 балл.

IV. Определите стихотворные размеры (без указания количества стоп) следующих поэтических строк.

1. Месяц зеркальный плывёт по лазурной пустыне,

Травы степные унижены влагой вечерней.

(А. Фет)

2. Средь шумного бала случайно,

В тревоге мирской суеты,

Тебя я увидел, но тайна

Твои покрывала черты.

(А.К. Толстой)

3. Вовсе не сложные

Размеры трехсложные.

Все зависит от сильных в них мест.

(В Онуфриев)

4. Блажен, кто посетил сей мир

В его минуты роковые.

(Ф. Тютчев)

5. Чародейкою Зимою

Околдован, лес стоит....

(Ф. Тютчев)

За каждый правильный ответ – 1 балл.